

УДК 330.1

В. Я. Ельмеев

К СОЗДАНИЮ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ ЗАКОНОВ ДВИЖЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Постановка вопроса

Все стоимостные схемы воспроизводства, в том числе построенные на основе трудовой теории стоимости или переложенные на язык теории предельной полезности, характеризуют экономику и социальную сферу со стороны их *статического* состояния. Они имеют дело с *обратимыми* процессами, укладываемыми в формы волнового, колебательного движения, разных циклов, в итоге — в теорию общего равновесия (Л. Вальрас), не знающую развития.

Что касается необратимых процессов, с которыми связано действительное поступательное развитие, то они могут быть объяснены не стоимостными схемами воспроизводства, а воспроизводством потребительной стоимости. Но теории этого последнего воспроизводства, тем более на уровне разработки стоимостной теории, экономическая наука не имеет. Н. Д. Кондратьев, сделав многое в разработке концепции экономической динамики применительно к обратимым экономическим процессам, предполагал заняться объяснением необратимых процессов. Он справедливо утверждал, что экономическая действительность сама по себе подвержена поступательному развитию, направленной эволюции. Однако концепцию экономической динамики для необратимых экономических процессов он нам не оставил и не мог разработать, ибо исходил из имеющейся стоимостной парадигмы. Н. Д. Кондратьев писал, что общую формулу тренда он вывел дедуктивно из «общих предпосылок, отвечающих учению Маркса о расширенном воспроизводстве (Капитал. Т. II)» для капиталистического общества [1, с. 32].

Вместе с тем он своей мыслью о вековой органической тенденции (тренде) движения хозяйства, предполагающей поступательное ее развитие, хоть и с перерывами, колебаниями,

Василий Яковлевич ЕЛЬМЕЕВ — д-р филос. наук, д-р экон. наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор кафедры экономической социологии СПбГУ. В 1950 г. окончил Философский факультет ЛГУ. В 1953 г. защитил кандидатскую, в 1963 — докторскую диссертации по философии и в 1977 г. — докторскую диссертацию по экономике. С 1951 по 1965 г. работал на Философском факультете Университета. С 1965 по 1968 г. — директор Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при Университете. С 1971 по 1984 г. заведующий кафедрой экономики исследований и разработок на Экономическом факультете, с 1984 по 1993 г. заведующий кафедрой прикладной социологии сначала на Экономическом факультете, а с 1989 г. — на Факультете социологии. Автор и соавтор более 350 научных работ, в том числе 15 индивидуальных и 23 коллективных монографий по экономике, философии, социологии.

© В. Я. Ельмеев, 2010

циклами, выходил за пределы «теории схематического равновесия», за что критиковали его оппоненты (Д. И. Опарин и др.), ибо эта теория не допускала за колебаниями, циклами реально существующего поступательного (необратимого) развития, что признавал Н. Д. Кондратьев. Об этом своем новом подходе он известил в тезисном варианте в «модели экономической динамики капиталистического хозяйства», выраженной в виде формулы

$$E = \frac{\delta E}{\delta K} \times K \frac{\delta E}{\delta A} \times A,$$

где E — величина народного дохода, выводимая из суммы накопленного капитала (K) и количества самодельного населения (A). Сведенная к более простому выражению, эта формула приобретает вид: $E = m\sqrt{AK}$, где m означает влияние уровня техники на развитие хозяйства [1, с. 413].

В теоретическом отношении эта формула исходит из стоимостной парадигмы, поскольку речь идет о капиталистическом хозяйстве. Она опирается на сформулированную к тому времени П. Дугласом и Ч. Коббом производственную функцию, в которой в качестве основных факторов фигурировали капитал и труд, предполагающие стоимостное равновесие затрат и результатов. Соответственно, линия вековой тенденции, взятая за эталон больших циклов, предполагала их рассмотрение как нарушение и восстановление воспроизводственного равновесия. Меру подобного рода, т. е. линии вековой тенденции в виде «эталонной траектории» долгосрочного технико-экономического развития, предложил С. Ю. Глазьев [2, с. 71].

Чтобы объяснить указанные колебания вокруг эталонных линий равновесия, все известные теоретики обращаются не к самим стоимостным схемам воспроизводства, а к производительным силам, развитие которых, по утверждению К. Маркса, «касается потребительной стоимости, но не меновой стоимости, однако изменяет и модернизирует сами экономические отношения и отношения меновой стоимости» [3, с. 330]. Так, Й. Шумпетер объясняет экономическое развитие новыми комбинациями производительных сил, Н. Д. Кондратьев — обновлением основного капитала, взятого в качестве средств производства, т. е. потребительной стоимостью капитала, С. Ю. Глазьев — сменой технологических укладов.

Это обращение к производительным силам многое значит: оно свидетельствует о том, что потребительная стоимость, обычно трактуемая лишь как субстрат стоимостных экономических отношений, на самом деле оказывает решающее воздействие на их движение, на динамику экономической системы, ее колебания и циклы. Отсюда следует, что теорией, объясняющей экономическое и социальное развитие, должна стать трудовая теория потребительной стоимости, базирующаяся на законе потребительной стоимости, не менее важном, чем закон стоимости. Однако этого закона движения потребительной стоимости экономическая наука еще не знает, он еще не введен в науку. И не так просто его ввести в нее, пока господствующим выступает закон стоимости.

В условиях капиталистической рыночно-стоимостной системы само развитие производительных сил, смена их комбинаций, технологических укладов, их обновление подпадают под влияние этой системы. Производительные силы как потребительные стоимости оказываются уложенными в прокрустово ложе потребностей капитала, которые и определяют, нужны ли обновления средств производства и техники, или произойдет разрушение производства и рабочей силы посредством периодических кризисов. Экономические отношения — это не просто внешняя среда для некоего автономного движения

производительных сил. Наоборот, они определяют их движение, хотя, в свою очередь, сама стоимостная экономическая система оказывается в зависимости от движения производительных сил как потребительной стоимости. Это противоречие, *их антиномию* надо иметь в виду.

Мы сегодня являемся свидетелями разрушительного столкновения этих двух противоположных основ экономической жизни — стоимостной, направленной на извлечение максимальной прибыли, и потребительно-стоимостной, призванной обеспечивать население жизненными и производственными средствами, что связывают чаще всего с реальной экономикой. Если раньше, в условиях простого товарного производства противоречия стоимости и потребительной стоимости сглаживались и создавали лишь абстрактную возможность кризиса, то теперь эти противоположности дошли до крайности, денежно-стоимостная форма оторвалась настолько от реального производства, что поставило мировую экономику на грань системного кризиса. Очевидно, что понять движение современной экономики невозможно без ее рассмотрения в плоскости противоречия этих двух ее основ.

Одновременно надо признать, что и сама экономическая наука с самого начала вращается вокруг противоречия потребительной и меновой стоимости. Этот подход в определенной мере был понят и реализован К. Марксом в анализе товара и труда, хотя преимущественно в пользу движения стоимости. Однако двойственной природой обладают не только труд и товар, но и капитал, его накопление, воспроизводство и многие другие экономические явления. К. Маркс отмечал, что противоречие стоимости и потребительной стоимости волновало экономическую науку еще в XVIII столетии «в форме проблемы: какой особенный вид действительного труда есть источник буржуазного богатства?» [3, с. 43, 48]. Эта проблема оказалась в центре полемики вокруг теории Д. Рикардо, оставив неразрешенными многие серьезные противоречия в экономической науке. Все они в итоге слились в основное противоречие — в противоположность трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, разрешение которой оказалось не под силу экономической науке и вылилось в эклектическое отождествление предельной полезности и стоимости в неоклассике. Й. Шумпетеру тоже не удалось правильно сформулировать и тем более разрешить это противоречие в своей работе «История экономического анализа», ибо он игнорировал, как это выяснил В. Н. Черковец, трудовую парадигму [4].

В этой связи уместно сказать, что конфликт капиталистической частной собственности с современными производительными силами имеет своим основанием также противостояние стоимости (прибавочной) потребительной стоимости. Случается так, что причины кризисов относят не к капиталистической системе, а к разного рода нововведениям в области производительных сил (смена технологических укладов или комбинаций их структуры). Вроде бы научно-технический прогресс нарушает равновесное движение экономической системы, а эта система посредством конкуренции вновь восстанавливает равновесие. Выходит, что сама капиталистическая экономическая система к кризисам не имеет отношения, она их не порождает. Виноваты вроде бы производительные силы.

Закон потребительной стоимости как основа теории воспроизводства

Мы исходим из того, что для научного решения этой проблемы она должна быть поставлена в рамки противоречивого взаимодействия трудовой стоимости и трудовой потребительной стоимости, а условиями ее решения должна служить разработка трудовой теории потребительной стоимости. В этой области уже много сделано в отечественной науке, в частности в нашей монографии «Социальная экономия труда», в которой

предложена теория труда, производящего потребительную стоимость, в качестве основы политической экономии в ее широком смысле. Здесь напомним лишь основные общие положения, которые могут быть взяты в качестве теоретических предпосылок для обсуждения поставленного вопроса о потребительностоимостном воспроизводстве.

Противоположностью трудовой стоимости может быть, как неоднократно подчеркивал В. Н. Черковец, только трудовая потребительная стоимость. Последняя имеет исходный закон своего движения. Его содержание можно свести к трем основным положениям.

1. В противоположность закону стоимости, устанавливающему обратимость затрат и результатов в их стоимостном соотношении и исключающему инновационность труда, закон потребительной стоимости предполагает их необратимость: постоянное превращение в процессе труда исходных простых потребительных форм в более сложные и высокие формы продукта, качественно отличные от предшествующих форм предметов и средств труда. Это происходит каждый раз в самом обычном процессе труда, не говоря уже об изобретениях и научно-техническом труде. То, что человеку приходится иногда постоянно производить один и тот же продукт, не умаляет инновационности процесса его труда, постоянных метаморфоз продукта и средств труда, превращаемых в более высокую потребительную форму. В этом отношении труд и его средства выступают действительным множителем (мультипликатором) реального богатства общества.

2. Согласно закону движения потребительной стоимости, результат производства — потребительная стоимость общественного продукта, реализуемая в производственном и индивидуальном потреблении, превосходит затраты труда, расходуемые на создание этого результата. Это означает, что: а) воспроизводимая рабочая сила, реализуясь как потребительная стоимость в живом труде, создает не только необходимый, но и дополнительный продукт, являющийся средством экономического и всякого иного развития. Следовательно, производится результат, *превышающий* затраты труда на воспроизводство самой рабочей силы; б) потребительная стоимость созданных средств производства в процессе их производительного потребления высвобождает труда *больше*, чем его затрачивается на их производство. В противном случае, т. е. если бы, например, машина высвобождала бы столько же труда, сколько было затрачено на ее производство, применение техники было бы экономически бесполезным.

3. Высвобождаемый (сэкономленный) труд и измеренная на этой основе его производительность выступают критерием действительного экономического развития, соответствующего его природе как поступательного процесса. Переход на этот критерий снял бы оковы с развития производительных сил, научно-технического прогресса, накладываемых противостоянием стоимости любой возможности своего уменьшения в результате роста производительности труда. Застой в области научно-технического прогресса в нашей стране во многом был предопределен внедрением в качестве его критерия стоимостной формулы приведенных затрат. Если добавленная к затратам (себестоимости) прибыль от капиталовложений, рассчитанная по ее средней норме, не достигалась, то новая техника, сколько бы живого труда она ни высвобождала, не внедрялась бы.

Высвобожденный благодаря научно-техническому прогрессу и использованию природных сил труд одновременно служит соизмерителем потребительных стоимостей как факторов, так и результатов производства. Тем самым решается, казалось бы, неразрешимая проблема соизмерения потребительных стоимостей на объективной, трудовой основе. Высвобожденный труд является не менее надежным их измерителем, чем его затраты. Этот же критерий служит надежной мерой эффективности производства: чем больше будет разница между высвобожденным трудом и его затратами, тем более эффективным

становится производство; и наоборот, если не происходит его высвобождение, образуется его излишек, то падает эффективность. Чтобы производство достигло состояния максимальной эффективности, необходимо и достаточно свести соответствующий излишек к нулю [5, с. 42–43].

Из этих предпосылок самым важным для разработки предлагаемой концепции воспроизводства является, безусловно, принцип *превышения* результатов производства над затратами, что только и может создавать возможность экономического развития вместо стоимостного равновесия¹. Вопрос, однако, заключается в том, как объяснить это превышение, чем оно обеспечивается. Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к другому потребительностоимостному закону — закону экономии труда и рабочего времени вместо закона накопления капитала. Нужно отказаться от стоимостной формулы равенства $W = C + V + M$, допускающей динамику ее элементов только в пределах равновесия стоимости результата и затрат. Превышение результатов над затратами в стоимостном отношении бессмысленно. Оно приобретает рациональное значение в производстве, где труд выступает создателем потребительной стоимости и выявляет свою инновационную сущность именно в превосходстве результатов над затратами.

Превышение результатов труда над затратами

Экономия труда, изъятая из меры его результатов и отнесенная только к затратам (минимизации затрат), не выводит понимание экономического развития за пределы стоимостного равновесия. На самом деле экономия (высвобождение) труда есть его потребительностоимостный результат, который должен соизмеряться с его затратами, являющимися минусом по отношению к результату. «Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к ее производительности» [6, с. 198]. Экономия времени, сформулированная К. Марксом в качестве первого экономического закона для коллективного производства, как раз «существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем» [7, с. 117].

Это разъяснение К. Маркса часто не принимается во внимание. Экономия труда и рабочего времени, получаемая в рамках действия закона стоимости, имеет отношение не к экономии всего живого труда, а только к экономии затрат необходимого рабочего времени в пользу прибавочного. Чтобы исключить экономию этого затраченного времени из требований капитала на соответствующее увеличение прибавочного рабочего времени, сама экономия труда и его затраты отдельными авторами ставятся в рамки требований трудовой теории стоимости. Отсюда выводятся суждения о новой, более развитой форме закона стоимости, предполагающей равенство затрат по условиям производства и по условиям потребления (В. В. Новожилов), и что закон экономии труда имеет своей основой закон стоимости². Все это нередко приводит к неоклассическому синтезу стоимости и предельной полезности.

Основной принцип процесса воспроизводства на основе потребительной стоимости — «превышение результатов труда над его затратами» — может быть представлен в более конкретном виде:

1) в форме движения от человека и его труда к создаваемому продукту и от него вновь к человеку и труду, но уже получившим развитие в процессе прохождения всех фаз воспроизводства. Если, например, для производства определенного количества продукта потребовалось затратить 1200 единиц рабочего времени, то в процессе производительного или индивидуального его потребления труд в итоге приобретает способность создавать этот же продукт лишь за 300 единиц рабочего времени, т. е. труд в 4 раза увеличивает свою

созидательную способность. Следовательно, труда, сэкономленного по условиям потребления, будет больше, чем затраченного по условиям, необходимым для производства. Нарушается основное равенство, выведенное из трудовой теории стоимости, но якобы учитывающее условия потребления: «Труд, необходимый по условиям производства, равен труду, необходимому по условиям потребления» [8, с. 368];

2) производственный процесс на основе движения потребительной стоимости может быть рассмотрен в форме соотношения производства и его конечного результата — фонда индивидуального потребления и развития человека с тем, чтобы согласовать развитие производительной силы и потребительной силы человека. Этого невозможно добиться на стоимостной основе, ибо потребление работника, замыкаемое на стоимость его рабочей силы, не может превосходить издержки ее воспроизводства. Наоборот, с ростом производительности труда эти издержки в стоимостном отношении сокращаются, ухудшая соотношение $C > V$. Поэтому, чтобы имело место развитие человека, предложение жизненных средств в качестве потребительных стоимостей не должно измеряться вещественным в них трудом, оно должно исходить из их потребительных свойств. В этих условиях лишь *накопление и обращение сэкономленного труда* может служить основанием для расширенного воспроизводства человека не только как рабочей силы, но и как личности;

3) индивидуальному потреблению должен быть подчинен и тот воспроизводственный цикл, который завершается производительным потреблением и с которым обычно связываются накопление и научно-технический прогресс. Результатом производительного потребления выступает также экономия (высвобождение) труда, источником которой в конечном счете является развитие человека, применение им науки и общественных сил труда. Поэтому результаты воспроизводства, измеряемые через повышение потребительной силы труда, должны совпадать с результатами, выраженными через рост производительной силы. Отсюда проистекает пропорциональность производства и потребления, недостижимая в рамках стоимостной теории воспроизводства.

От продукта к воспроизводству труда и его экономии

Воспроизводство, в отличие от процесса производства, начинается с движения его продукта. Поскольку речь идет о воспроизводстве самого труда, его экономии, то следует обосновать движением продукта динамику самого труда. При анализе экономических процессов на основе трудовой теории стоимости мы обычно исходим из труда, из его общественно необходимых затрат, образующих стоимость. Что касается продукта труда, взятого в стоимостном выражении, то его объяснительная сила сводится к нулю. И дело здесь не только в неудачной попытке А. Смита определить стоимость труда стоимостью его продукта, что, как известно, неизбежно приводит к логическому кругу. Дело в том, что стоимость продукта обратима в стоимость затрат труда, и, следовательно, стоимость его результатов покрывается объяснительной силой его затрат. Отсюда проистекает затратный подход в экономическом анализе.

Однако экономическое определение продукта труда вовсе не исчерпывается его стоимостью. Для человека более важной является его потребительная стоимость (полезность). Соответственно, если речь идет о воспроизводстве не как об обратимом стоимостном процессе, а о необратимом процессе, то надо исходить из воспроизводственной функции общественного продукта как потребительной стоимости. В этом случае, т. е. через продукт, открывается выход к человеку, к удовлетворению его потребностей, т. е. можно определить производство как производство и воспроизводство самого человека как основного

богатства общества. Тогда конечным результатом производства будет уже не продукт в его вещной, хотя и полезной форме, а сам человек и его труд.

Соответственно, труд можно и нужно рассматривать не только как изначально заданное средство производства, но и «как продукт потребления рабочим благ» [9, с. 73–74]. Й. Шумпетер, однако, не принял трудовую теорию не только стоимости, но и потребительной стоимости. Будучи приверженцем маржинализма, он вынужден был заявить, что «труд не должен быть для нас продуктом» [9, с. 74].

Решение вопроса в пользу «продукта» или «человека» зависит от того, какую социально-экономическую форму приобретает продукт: либо он превращается в продукт, «идущий на общественное потребление не через рынок», либо через рынок, если даже он рассматривается со стороны предельной полезности. В последнем случае движение продукта объясняется посредством субъективного восприятия и ранжирования его полезных для человека свойств в рамках маржинализма, приспособленного к рынку. Здесь полезность приравнивается к стоимости.

Оставляя пока в стороне виды продукта, предназначенные для производительного потребления, рассмотрим движение общественного продукта как предмета индивидуального потребления не со стороны его стоимости, а со стороны потребительной стоимости (мы используем здесь понятие «движение», поскольку понятие «развитие» по отношению к продукту обычно не применяется, оно заменяется накоплением (увеличением) или прибавочной стоимости, или прибавочного продукта). Когда мы говорили о стоимости жизненных средств, которая определяется общественно необходимым трудом и обратима в его затраты, то мы в рамках теории стоимости оставляем без ответа вопрос о том, *а чем же определяется сам этот необходимый труд*, его затраты. В этом, как говорят, и состоит «гвоздь» вопроса. Что же сказано на этот счет в экономической науке?

Попытка А. Смита объяснить стоимость труда (который на самом деле не имеет стоимости) стоимостью его продукта не увенчалась успехом. Д. Рикардо, усмотрев ошибку А. Смита в этом вопросе, обратился к потребительной стоимости продукта. Он, как поясняет К. Маркс, не мог сказать ничего иного, кроме того, что посредством продукта одинакового количества труда можно приводить в движение то большее, то меньшее количество труда, т. е. он рассматривает продукт труда в его отношении к рабочему только как потребительную стоимость. Но при этом он имеет в виду только ту часть продукта, которая достается рабочему для обеспечения своего существования как рабочего.

Почему же получается, ставит вопрос К. Маркс, что доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью, а потребительной стоимостью продукта, т. е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу? Если, например, стоимость двенадцатичасового продукта равна двенадцати часам труда, то за счет качества его потребительной стоимости он может быть произведен всего за шесть часов. Это зависит от свойств той живой рабочей силы, которая придается труду потребительной стоимостью продукта, т. е. жизненных средств. Согласно Д. Рикардо, «способность рабочего содержать себя самого и свою семью... зависит не от количества денег, которое он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, которые можно купить за эти деньги» [10, с. 85]. Если Д. Рикардо к такому выводу пришел в результате отождествления рабочей силы как товара с живым трудом, являющимся потреблением этой рабочей силы в процессе производства, то для К. Маркса само рабочее время, сам труд, необходимый для производства жизненных средств (а не их стоимость), определяется потребительной стоимостью этих жизненных средств, их количеством и качеством. «Сумма жизненных средств, требующихся

для нормального воспроизводства рабочей силы, определяется не их стоимостью, а их потребительной стоимостью — их качеством и количеством, следовательно, не рабочим временем, которое требуется для их производства, которое в них овеществлено, а результатом этого рабочего времени, реальным трудом в той мере, в какой он представлен в продукте» [11, с. 261].

Что же касается Д. Рикардо, то его обращение к потребительной стоимости продукта для определения самого труда не получило развития в качестве концепции, он ограничился лишь отдельными примерами. Мы тоже знаем, что минимальная заработная плата (МРОТ) определяется не стоимостью, а потребительной стоимостью входящих в потребительскую корзину жизненных средств, дающих работнику возможность существования, но из этого не сделали концепции движения труда, определяемого потребительной стоимостью этих средств. В конечном счете, в отличие от попыток Д. Рикардо рассматривать продукт в его отношении к рабочему как потребительную стоимость, мы и сегодня рассматриваем рабочего в его отношении к продукту только через меновую стоимость его рабочей силы. В этой системе, по оценке К. Маркса, «остается неразрешимой антиномией то, что определенное количество живого труда не равно тому товару, который этот труд создает, в котором он объективируется, хотя стоимость товара равняется количеству содержащегося в нем труда» [12, с. 55]. Это и есть антиномия стоимости и потребительной стоимости. Она, как нам представляется, решается переходом на позиции трудовой теории потребительной стоимости. Само движение труда, необъяснимое стоимостной концепцией, определяется потребительной стоимостью продукта. Но этого *еще мало* для объяснения движения труда. Надо еще знать, как и в какую сторону он движется, если движется под влиянием потребительной стоимости своего продукта.

Продукт как потребительная стоимость, произведенная живым трудом, в процессе его потребления, как было сказано, приобретает свойство превосходить затраты труда, реализованные в нем при его производстве. Здесь вступает в силу великий закон экономии труда, получения результатов, превосходящих затраты вместо их эквивалентности, как это происходит в условиях движения стоимости. Закон экономии времени — это закон движения потребительной стоимости, а не стоимости. Устранение излишнего труда, как овеществленного, так и живого, становится необходимым условием его эффективности. Вместо сокращения лишь необходимого труда в пользу соответствующего увеличения прибавочного труда и прибавочной стоимости в этом случае речь идет об экономии всего труда, а понятие необходимого труда получает иное содержание, чем в определении стоимости рабочей силы. Труд становится необходимым по условиям потребления, удовлетворения потребностей людей во имя их гармонического развития.

Но это не значит, что весь продукт как необходимый по условиям потребления не возвышает свою потребительную стоимость *за счет включения прибавочного продукта* в его общеэкономической форме. При этом его источником будет не только сам труд, но и его производительные силы в виде средств производства (техники) и используемых им природных сил. Без расширенного воспроизводства прибавочного продукта не может быть объяснено действительное возвышение общественного продукта как потребительной стоимости. Но для этого надо заменить стоимостную равновесную схему воспроизводства — $c + v + m = w$ — потребительностоимостной схемой, в которой результат (измеренный в единицах труда) будет больше, чем затраты (измеренные в тех же единицах труда), и будет выглядеть как неравенство: $c + v + m < w$.

В качестве исходной теоретической базы при разработке этой новой концепции воспроизводства следует взять итоговые суждения К. Маркса из третьего тома «Капитала». Суть

их сводится к тому, что получение доли общественного продукта работником должно происходить не на основе стоимости рабочей силы и заключенного в ней необходимого труда, а на основе потребительной стоимости его трудовой силы, овеященной во всем продукте общественного труда. В этом случае отпадает стоимостное деление общественного продукта на необходимый и прибавочный. Необходимый продукт в его общеэкономической форме здесь определяется теми постоянно растущими потребностями, которые предполагаются необходимостью полного и всестороннего развития индивидуальности и которые допускаются уровнем наличной производительной силы общественного труда, в том числе труда работника, но как его общественного труда. Прибавочный труд и прибавочный продукт тоже приобретают общеэкономическую форму. Они становятся необходимыми для образования страхового и резервного фондов, обеспечивающих жизнь и развитие еще или уже не работающей части населения [13, с. 448]. Понятие прибавочного продукта сужается.

Этот теоретический каркас должен быть положен в основу теории воспроизводства общественного продукта как потребительной стоимости. В нем следует обратить внимание на такие существенные моменты.

Во-первых, опираясь в построении этой теории на общественный продукт как потребительную стоимость, не следует забывать, что исходить надо и здесь *не от натуральных свойств продукта*, а от *живой силы* труда, получаемой при распредмечивании продукта в потреблении, т. е. при реализации овеященного в нем прошлого труда³. Следовательно, реализация потребительной стоимости общественного продукта в процессе его воспроизводства осуществляется в трудовой деятельности, ведет к повышению производительной силы труда.

Во-вторых, главным действующим фактором воспроизводственного процесса здесь становится не просто прибавочный труд и прибавочный продукт, предназначенный для создания резервного и страхового фондов, а *экономия* труда и рабочего времени, которая приобретает значение первого экономического закона воспроизводства и даже закона «в гораздо более высокой степени» (К. Маркс). Между тем в литературе все еще распространено мнение, что якобы прибавочная стоимость составляет фонд потребления работников непроизводственной сферы и натурально-вещественных затрат учреждений этой сферы. Как будто бы капиталисты делятся своей прибылью, направляя ее в фонд потребления работников этой сферы.

То, что она обеспечивается за счет экономии труда, дает дополнительные основания для создания уже теперь теории воспроизводства на потребительностоимостной основе. Эту проблему и ее решение не следует относить к далекому будущему, когда установится коллективное по своему существу производство. Надо снять с нее печать непознаваемости якобы из-за отсутствия соответствующих процессов в современной экономической жизни. Они на самом деле имеют место и в условиях современного воспроизводства общественного продукта, хотя эти процессы уложены в прокрустово ложе стоимостных схем. Надо уметь их оттуда извлекать.

И, наконец, *в-третьих*, и это, пожалуй, самое основное: только воспроизводство, имеющее дело с потребительной стоимостью общественного продукта, выводит процесс производства на производство и воспроизводство *самого человека* в качестве всесторонне развитой и свободной личности. По этому вопросу необходимо опираться на суждение В. И. Ленина относительно преобразования пропорций развития производства средств производства и производства предметов потребления. Он подверг резкой критике утверждение Р. Люксембург о неизбежном сокращении фонда потребления рабочих по сравнению с фондом производственного накопления и в будущем обществе, согласно

формуле капиталистического накопления $c < v$, отождествив тем самым стоимостную его форму с потребительной формой [14]. В составленных В. И. Лениным схемах воспроизводства, наоборот, предусматривается громадный рост потребления рабочих, в том числе за счет устранения прибавочной стоимости капиталистов, т. е. того прибавочного продукта, который при стоимостной форме превращается в капитал, но отнюдь не в «человеческий».

НТП и экономия труда

Воспроизводство общественного труда на основе его экономии не исчерпывается воздействием потребительной стоимости жизненных средств, о чем говорилось выше. Обычно, чтобы преодолеть стоимостную воспроизводственную схему равновесия, обращаются к научно-техническому прогрессу (НТП), видя в нем ускорителя поступательного экономического развития. Однако познавательная сила НТП в рамках теории стоимости или предельной полезности чаще всего ограничивается объяснением нарушений экономического равновесия: циклов, колебаний вокруг эталонной линии или траектории движения стоимостной экономической системы (Й. Шумпетер, С. Ю. Глазьев). Что же касается действительных причин этих нарушений, в том числе кризисов, то они лежат в самой этой экономической системе, а вовсе не в сфере НТП. «Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения» [15, с. 451].

Чтобы определить действительное место научно-технического фактора в поступательном производственном процессе, надо прежде всего органически связать его с экономией труда, а для этого — рассмотреть его вне рамок стоимостного затратного подхода. Последнее, к сожалению, не всегда удается. По этому трудному вопросу многое сделал А. И. Анчишкин, который вполне справедливо настаивал на включении экономии труда и общественных потребностей в систему общественного воспроизводства, что делает их взаимосвязь условием правильного понимания взаимодействия науки, техники и экономики в воспроизводственном процессе. «Общественная потребительная стоимость научных знаний, — пишет он, — определяется достигаемой в результате их применения экономией общественного труда. Из этого положения следует, что *общественная потребность в экономии труда формирует общественно необходимые затраты научного труда, а значит, и стоимость научных знаний*» [16, с. 68].

Это суждение, конечно, противоположно утверждениям, согласно которым значимость научных знаний определяется увеличением прибыли, как это, например, предусматривается известной формулой приведенных затрат. Вместе с тем автор не намерен отходить от закона стоимости: во втором предложении приведенного текста потребительная стоимость научных знаний *приравнивается* к общественно необходимым затратам труда (ОНЗТ), т. е. к стоимости научных знаний. Здесь имеет место отождествление трудовой стоимости с потребительной стоимостью (полезностью), что ведет к маргинализму.

На самом деле потребительной стоимостью научных знаний и техники определяются не общественно необходимые затраты научного труда на их создание, а *экономия всего живого труда*, т. е. не затраченный, а сэкономленный труд, полученный в результате применения знаний и техники. Именно в этой экономии, как уже подчеркивалось, и состоит их потребительная стоимость. Причем эта экономия должна не соответствовать или быть равной, а быть *больше* общественно необходимых затрат на их создание и производство, что противоречит закону стоимости. В противном случае не было необходимости обращаться

к научно-техническому прогрессу, а достаточно удовлетворяться схемами воспроизводства в его статике, в стоимостном равновесии затрат и результатов.

Вопрос этот трудный, без знания и принятия трудовой теории потребительной стоимости как противоположной теории стоимости его не решить. Воспроизводство научных знаний как продукта интеллектуального труда не подчиняется закону стоимости и не может быть объяснено им именно потому, что здесь результаты с самого начала превосходят так называемые общественно необходимые затраты научного труда. Те, кто в знаниях видит стоимость или созданную ими (мыслью) стоимость, вынуждены признать, что эту стоимость не объяснить ни трудовой ее теорией, ни теорией предельной полезности. Так, например, Т. Сакайя полагает, что «разработка универсальной концепции (подобной теории трудовой стоимости), примененной в отношении созданного знанием стоимости, невозможна. Более того, трудно представить себе и то, каким образом теория полезности способна объяснить характер такой ценности. Понесенные производителем расходы в своей основе не имеют никакого отношения к стоимости созданного знанием продукта; помимо того, отсутствует то традиционное движение, которое сближает цены с затратами. В этом заключено фундаментальное отличие созданных знанием ценностей от материальных товаров и услуг, к которым может быть применена теория общественной полезности Вальраса» [17, с. 362].

Не все, оказывается, воспроизводится по законам стоимости и предельной полезности. Кроме научных знаний и технических изобретений это относится и к используемым обществом природным силам, особенно к электрической (атомной) энергии и плодородию почвы, которые, как составляющие общественного продукта, вносят значительный вклад в экономию живого труда. Расчеты показывают, что производимая, например, в 2000 г. в мире электрическая энергия способна была потенциально высвободить в течение года труд 70 млрд человек, занятых производством двигательной энергии на основе использования мускульной силы, т. е. число лиц, примерно в 10 раз превышающее общую численность населения земного шара [18, с. 50–51].

Итак, общественный продукт в форме потребительной стоимости жизненных благ, средств производства и используемых природных сил в процессе своего воспроизводства приводит к *экономии труда и рабочего времени*. Труд, экономя самого себя, одновременно через свой результат воспроизводит себя, что приводит к расширенному воспроизводству человека и всей общественной жизни в конечном счете в новом качестве. Это обеспечивается тем, что экономия рабочего времени оборачивается расширенным воспроизводством *свободного времени*.

Подводя итог, необходимо сказать, что трудовая теория потребительной стоимости позволяет представить общественное воспроизводство процессом социально-экономического развития, именно развития, а не только роста как движения к равновесию. Это развитие обеспечивается переводом воспроизводства на основу трех конкретных законов, в рамках которых осуществляется общее движение потребительной стоимости. Ими являются закон экономии рабочего и увеличения свободного времени, а также закон роста производительности труда, составляющий основание первого закона, и третий — образующий их социальное единство — закон возвышения потребностей.

¹ Этот принцип нельзя путать с формулой: меньшими затратами необходимого труда получить больших результатов прибавочного труда — прибавочной стоимости.

² «...закон экономии труда исторически возникает вместе с законом стоимости и на его основе» [16, с. 150].

³ Из мертвого труда вырастает живой труд, его живая творческая сила. Предмет, как утверждал еще К. Маркс, не должен рассматриваться только как объект, он должен быть понят и как деятельность, практика, т. е. в его субъективной реализации.

1. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
2. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 71.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 48.
4. *Черковец В. Н. Й.* Шумпетер и трудовая парадигма // Экономист. 2007. № 12. С. 35–52.
5. *Алле М.* Условия эффективности в экономике. М., 1998.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26., ч. I.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 46, ч. I.
8. *Новожилев В. В.* Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967.
9. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982. С. 73–74.
10. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Соч. Т. I. М., 1955.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 47.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 46. Ч. II.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 25. Ч. II.
14. Ленинский сборник. Т. XXXVIII. М., 1975. С. 86–94.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
16. *Анчишкин А. И.* Наука – техника – экономика: 2-е изд. М., 1989.
17. *Сакайя Т.* Стоимость, созданная знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
18. *Байнев В. Ф.* Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительственно-стоимостной анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск, 1988.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2010 г.